

По делу «Сергей Золотухин против России»

Европейский Суд по правам человека¹, рассматривая дело Большой Палатой в составе:

Жан-Поля Коста, *Председателя Большой Палаты Европейского Суда,*

Николаса Братца,
Франсуазы Тюлькенс,
Жозэпа Касадевала,
Корнелиу Бирсана,
Карела Юнгвирта,
Элизабет Штайнер,
Анатолия Ковлера,
Станислава Павловского,
Эгберга Мийера,
Драголюба Поповича,
Изабель Берро-Лефевр,
Паави Хирвелаа,
Джорджио Малинверни,
Луиса Лопеса Герра,
Мирьяны Лазаровой Трайковска,

Леди Бьянку, *судей,*
а также при участии Майкла О'Бойла, *заместителя Секретаря-Канцлера Европейского Суда,*

проведя совещания по делу за закрытыми дверями 26 марта 2008 г. и 21 января 2009 г., в последний из указанных дней вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 14939/03) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция), гражданином Российской Федерации, г-ном Сергеем Александровичем Золотухиным (*далее* — заявитель), 22 апреля 2003 г.

2. Интересы заявителя в Европейском Суде представляли г-н Ф. Лич и г-н К. Коротеев, юристы, работающие в Европейском центре по защите прав человека [*the European Human Rights Advocacy Centre*]. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) в Европейском Суде представляла г-жа В. Милнчук, бывший Уполномоченный Российской Федера-

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «СЕРГЕЙ ЗОЛОТУХИН ПРОТИВ РОССИИ»

[SERGEY ZOLOTUKHIN V. RUSSIA]

(жалоба № 14939/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

10 февраля 2009 г.

Настоящее постановление является окончательным, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

ции при Европейском Суде по правам человека.

3. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель — со ссылкой на статью 4 Протокола № 7 к Конвенции — утверждал, что его дважды привлекали к судебной ответственности за одно и то же правонарушение.

4. Жалоба была передана в производство Первой Секции Европейского Суда (в порядке пункта 1 статьи 52 Регламента Европейского Суда). В соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента Европейского Суда внутри этой Секции была образована Палата (в порядке пункта 1 статьи 27 Конвенции) для рассмотрения настоящего дела.

5. 8 сентября 2005 г. Палата этой Секции, состоящая из следующих судей: Христоса Розакиса, Пера Лоренсена, Снежаны Ботучаровой, Анатолия Ковлера, Ханлара Гаджиева и Сверре Эрика Йебенса, а также при участии Сорена Нильсена, Секретаря данной Секции Суда, объявила жалобу частично приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

6. 7 июня 2007 г. Палата этой Секции, состоящая из следующих судей: Христоса Розакиса, Лукиса Лукаидеса, Нины Вайич, Анатолия Ковлера, Ханлара Гаджиева, Дина Шпильманна и Сверре Эрика Йебенса, а также при участии Сорена Нильсена, Секретаря данной Секции Суда, единогласно заключила, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, и присудила выплатить заявителю компенсацию за причиненный ему моральный вред и возмещение понесенных им судебных расходов и издержек².

7. 5 сентября 2007 г. государство-ответчик — в соответствии со статьей 43 Конвенции и правилом 73 Регламента Европейского Суда — подало в Суд обращение о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Суда. Коллегия судей Большой Палаты Суда приняла обращение 12 ноября 2007 г.

8. 12 ноября 2007 г. Палата этой Секции, состоящая из следующих судей: Христоса Розакиса, Лукиса Лукаидеса, Нины Вайич, Анатолия Ковлера, Ханлара Гаджиева, Дина Шпильманна и Сверре Эрика Йебенса, а также при участии Сорена Нильсена, Секретаря данной Секции Суда, единогласно заключила, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, и присудила выплатить заявителю компенсацию за причиненный ему моральный вред и возмещение понесенных им судебных расходов и издержек².

От редакции. По делу заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что после того, как он уже отбыл наказание в виде административного ареста на трое суток за совершение мелкого хулиганства, он был повторно судим за это же правонарушение. 7 июня 2007 г. Палата Первой Секции Суда единогласно постановила, что по делу властями государства-ответчика в отношении заявителя было допущено нарушение требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, то есть нарушение принципа недопустимости привлечения к судебной ответственности дважды за одно и то же правонарушение. Суд обязал государство-ответчика выплатить заявителю компенсацию причиненного ему морального вреда и возместить понесенные им судебные издержки и расходы. 5 сентября 2007 г. государство-ответчик подало в Суд обращение о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Суда. Коллегия судей Большой Палаты Суда приняла обращение 12 ноября 2007 г. Тщательно проанализировав обстоятельства дела, соответствующие нормы российского законодательства, нормы международного права, зарубежную судебную практику и (особо детально) собственную прецедентную практику Европейского Суда Большая Палата согласилась с выводом Палаты Суда и установила, что властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, назначив выплату компенсации причиненного заявителю морального вреда в размере 1500 евро, а также возмещение судебных издержек и расходов.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

² Текст перевода постановления Палаты Первой Секции Европейского Суда по данному делу был опубликован в 9-м номере журнала за 2007 год (*примечание редакции*).

8. Состав Большой Палаты Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

9. Как заявитель, так и государство-ответчик представили в Европейский Суд свои замечания по существу дела (в порядке пункта 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). Кроме того, Судом были получены комментарии третьей стороны, Института по образованию в сфере прав человека Парижской коллегии адвокатов [*the Human Rights Training Institute of the Paris Bar Association*], которой было дано разрешение Председателя Суда вступить в письменное производство по делу (в порядке пункта 2 статьи 36 Конвенции и пункта 2 правила 44 Регламента Европейского Суда).

10. Заседание Большой Палаты Европейского Суда по данному делу состоялось публично во Дворце прав человека, г. Страсбург, 26 марта 2008 г. (в порядке пункта 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании приняли участие:

(а) со стороны государства-ответчика:

г-жа В. Милинчук, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека,
г-жа И. Майке,
г-жа Я. Цимбалова, консультанты;

(б) со стороны заявителя:

г-н Ф. Лич, адвокат,
г-н К. Коротеев, консультант.

Европейский Суд заслушал выступления г-на Лича, г-на Коротеева и г-жи Милинчук.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

11. Заявитель родился в 1966 году и проживает в г. Воронеже.

A. События, имевшие место 4 января 2002 г.

12. События, как они были описаны сторонами и в соответствующих документах по делу, разворачивались в тот день следующим образом.

13. Утром 4 января 2002 г. заявитель был доставлен в отделение внутренних дел № 9 Отдела внутренних дел Ленинского района г. Воронежа (*далее* — отделение внутренних дел) для установления того, каким образом ему удалось привести свою подругу, г-жу П., на закрытую для посторонних территорию войсковой части.

14. В отделении внутренних дел заявитель находился сначала в помещении паспортной службы. Он был в состоянии алкогольного опьянения и оскорблял с использованием нецензурной лексики сотрудницу паспортной службы, г-жу Я., и начальника отдела безопасности движения, капитана милиции С. Заявитель игнорировал замечания и предупреждения в свой адрес. После того, как заявитель оттолкнул капитана милиции С. и предпринял попытку бегства из отделения внутренних дел, на него были надеты наручники. Сотрудники милиции сочли, что действия заявителя образовали состав административного правонарушения — мелкое хулиганство.

15. Заявителя доставили в кабинет майора милиции К., начальника отделения внутренних дел. Майор милиции К. составил протокол о нарушении заявителем общественно-го порядка, в котором указывалось следующее:

«Настоящий протокол составлен майором милиции К., начальником отделения внутренних дел № 9 г. Воронежа, в том, что 4 января 2002 г. в 9 часов 45 минут гражданин Золотухин, доставленный в отделение внутренних дел № 9 вместе с гражданкой П., которую он незаконно привел на закрытую для посторонних территорию войсковой части, высказывался нецензурно в адрес сотрудников милиции и начальника [далее неразборчиво], не реагировал на замечания, игнорировал требования сотрудников милиции о прекращении нарушения общественного порядка, предпринял попытку бегства из отделения внутренних дел, и на него были надеты наручники. Он совершил административные правонарушения, предусмотренные статьями 158 и 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях».

16. Капитан милиции С. и подполковник Н. также присутствовали в кабинете майора милиции К., когда тот составлял данный протокол. Заявитель стал оскорблять майора милиции К. и угрожать ему физической расправой. Заявитель затем вновь попытался скрыться и перевернул в кабинете стул.

17. По окончании составления протокола заявителя поместили в автомобиль для доставки в Грибановский районный отдел внутренних дел Воронежской области¹. В том же автомобиле находились водитель, г-н Л., майор милиции К., подполковник Н. и г-жа П. По пути следования заявитель продолжал грубо выражаться в адрес майора милиции К. и угрожал ему убийством за то, что тот возбудил против него административное дело.

B. Осуждение заявителя в административном порядке

18. 4 января 2002 г. Грибановский районный суд Воронежской области² признал заявителя виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях на основании следующих фактов:

«Золотухин выражался нецензурно в общественных местах и не реагировал на замечания».

19. Грибановский районный суд наложил на заявителя административное взыскание в виде административного ареста на срок трое суток. В постановлении суда указывалось, что оно не подлежит обжалованию и вступает в законную силу немедленно после вынесения.

C. Уголовное преследование заявителя

20. 23 января 2002 г. в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по обвинению в совершении 4 января 2002 г. в помещении отделения внутренних дел «хулиганства, связанного с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка», преступления, предусмотренного пунктом «б» части второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации³. На следующий день заявитель был заключен под стражу. 1 февраля 2002 г. против заявителя были возбуждены еще два дополнительных уголовных дела по другим обвинениям.

¹ Далее — Грибановский РОВД (*примечание редакции*).

² Далее — Грибановский районный суд (*примечание редакции*).

³ Далее — УК России (*примечание редакции*).

21. 5 апреля 2002 г. заявителю было предъявлено обвинительное заключение. В соответствующих частях обвинительного заключения указывалось следующее:

«Утром 4 января 2002 г. гражданин Золотухин был доставлен в отделение внутренних дел № 9 Отдела внутренних дел Ленинского района г. Воронежа для выяснения обстоятельств, при которых его знакомая, гражданка П., попала на закрытую для посторонних территорию войсковой части «Воронеж-45». В помещении паспортной службы отделения внутренних дел № 9 гражданин Золотухин, находясь в состоянии алкогольного опьянения, грубо нарушал общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, и начал громко выражаться нецензурно в адрес присутствовавших в помещении паспортной службы, а именно в адрес гражданки Я., служащей паспортного стола жилищного отдела войсковой части 25852, и капитана милиции С., начальника отдела безопасности движения отделения внутренних дел № 9; в частности, гражданин Золотухин угрожал последнему как сотруднику органов внутренних дел, находящемуся при исполнении служебных обязанностей, физической расправой. Гражданин Золотухин не реагировал на законные требования капитана милиции С. прекратить нарушение общественного порядка; он предпринял попытку скрыться из помещения паспортной службы, активно сопротивлялся попыткам пресечь его незаконные действия, оказал сопротивление капитану милиции С., оттолкнув его и вырвавшись от него, и препятствовал нормальной работе паспортной службы.

По этим основаниям, действуя умышленно, гражданин Золотухин совершил хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, и связанное с угрозой насилием и сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка; вышеуказанное образует состав преступления, предусмотренного пунктом «б» части второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации. В результате совершения акта хулиганства гражданина Золотухина доставили в кабинет майора милиции К., начальника отделения внутренних дел № 9 Ленинского района г. Воронежа, который находился при исполнении служебных обязанностей, для составления им протокола об административных правонарушениях. К. во исполнение своих служебных обязанностей приступил к составлению протокола о совершении гражданином Золотухиным административных правонарушений, предусмотренных статьями 158 и 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. Гражданин Золотухин, увидев, что в отношении его составляется протокол об административных правонарушениях, начал публично оскорблять К., нецензурно выражаясь в его адрес как сотрудника милиции, в присутствии подполковника Н., помощника командира войсковой части 14254, и капитана милиции С., начальника отдела безопасности движения отделения внутренних дел № 9, тем самым нанося ущерб чести и достоинству сотрудника милиции. Гражданин Золотухин умышленно игнорировал неоднократные требования майора милиции К. о прекращении нарушения общественного порядка и оскорбительного поведения. Гражданин Золотухин тогда предпринял попытку уйти из кабинета начальника отделения внутренних дел без разрешения, перевернул стул, продолжая при этом нецензурно выражаться в адрес майора милиции К. и угрожать ему физической расправой.

Тем самым, гражданин Золотухин умышленно и публично оскорбил представителя власти при исполнении

им своих должностных обязанностей, то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 319 Уголовного кодекса Российской Федерации.

После составления протокола о совершении гражданином Золотухиным административных правонарушений его и гражданку П. поместили в автомобиль для доставления в Грибановский РОВД Воронежской области. В автомобиле в присутствии гражданки П., подполковника Н., помощника командира войсковой части 14254, и водителя Л. гражданин Золотухин продолжал умышленно наносить ущерб чести и достоинству майора милиции К., находившемуся при исполнении служебных обязанностей, нецензурно выражаясь в его адрес как сотрудника милиции и тем самым публично оскорбляя его; гражданин Золотухин затем публично угрожал убить майора милиции К., начальника отделения внутренних дел № 9, за то, что он возбудил против гражданина Золотухина административное дело.

Тем самым, своими публичными действиями гражданин Золотухин угрожал применением насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, то есть совершил преступление, предусмотренное частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации».

22. 2 декабря 2002 г. Грибановский районный суд вынес свой приговор по уголовному делу в отношении заявителя. Что касается преступления, предусмотренного пунктом «б» части второй статьи 213 УК России, Грибановский районный суд оправдал заявителя по следующим основаниям:

«Утром 4 января 2002 г. в помещении <...> отделения внутренних дел № 9 [заявитель], находясь в состоянии алкогольного опьянения, выражался нецензурно в адрес <...> гражданки Я. и капитана милиции С., угрожая убить последнего. [Заявитель] отказался подчиниться законному требованию капитана милиции С. <...>, вел себя агрессивно, оттолкнул С. и предпринял попытку бегства. Исследовав представленные доказательства, суд считает вину [заявителя] не установленной. 4 января 2002 г. [заявитель] был подвергнут административному аресту сроком трое суток за те же действия [влекущие ответственность] по статьям 158 и 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. Судебное постановление по административному делу не было ни обжаловано, ни отменено. Суд считает, что в действиях [заявителя] нет признаков состава преступления, предусмотренного пунктом «б» части второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации, и выносит оправдательный приговор по данному пункту обвинения».

23. Грибановский районный суд далее признал заявителя виновным в публичном оскорблении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей — преступлении, предусмотренном статьей 319 УК России. Суд установил, что заявитель выражался нецензурно в адрес майора милиции К. и угрожал ему, когда тот в своем кабинете в отделении внутренних дел составлял протокол о совершении административных правонарушений, предусмотренных статьями 158 и 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. Показания майора милиции К. по этому поводу подтверждались показаниями капитана милиции С., подполковника Н. и г-жи Я., которые также находились в кабинете К.

24. Наконец, Грибановский районный суд признал заявителя виновным в угрозе применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей — преступлении, предусмотренном частью первой статьи 318 УК России. На основании показаний майо-

ра милиции К., подполковника Н. и подруги заявителя суд установил, что после того, как был составлен протокол о совершении административных правонарушений, заявителя и его подругу доставили в автомобиле в Грибановский РОВД. В автомобиле заявитель продолжал брань в адрес майора К. Заявитель также плевался на него и сказал, что, когда освободится, то убьет его и скроется. Майор К. воспринял эту угрозу как реальную, поскольку заявитель был известен в прошлом как человек, склонный к жестокости и насилию.

25. 15 апреля 2003 г. Воронежский областной суд по кассационной жалобе заявителя оставил приговор суда первой инстанции без изменения.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

26. Конституция Российской Федерации предусматривает, что «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (часть первая статьи 50).

27. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, что уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела (пункты 4 и 5 статьи 27).

28. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (действовавший в период времени, фигурирующий по делу) гласил следующее:

Статья 158. Мелкое хулиганство

«Мелкое хулиганство, то есть нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан, —

влечет наложение штрафа в размере от десяти до пятидесяти рублей или исправительные работы на срок от одного до двух месяцев с удержанием двадцати процентов заработка, а в случае, если по обстоятельствам дела, с учетом личности нарушителя, применение этих мер будет признано недостаточным, — административный арест на срок до пятнадцати суток».

29. Уголовный кодекс Российской Федерации (в редакции, действовавшей в период времени, фигурирующий по делу) гласил:

Статья 213. Хулиганство

«1. Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, —

наказывается <...> лишением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, если оно:

<...>

б) связано с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка;

в) совершено лицом, ранее судимым за хулиганство, — наказывается обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет <...>».

Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти

«1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей —

наказывается штрафом в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда <...> либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет <...>».

Статья 319. Оскорбление представителя власти

«Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением —

наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда <...> либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года».

30. В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР № 4 от 27 июня 1978 г. (с последующими изменениями и дополнениями) указывалось, что, если при рассмотрении материалов о мелком хулиганстве судья придет к выводу о том, что действия, вмененные нарушителю как административный проступок, по степени общественной опасности являются уголовно наказуемыми, предусмотренными соответствующей статьей 206 Уголовного кодекса РСФСР (заменена статьей 213 УК России после 1 января 1997 г.), он либо выносит постановление о возвращении материала в органы внутренних дел для дополнительной проверки и решения вопроса о возбуждении уголовного дела, либо сам выносит постановление о возбуждении уголовного дела (пункт 5 постановления). В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 24 декабря 1991 г. (с последующими изменениями и дополнениями) указывалось, что в своей практике нижестоящим судам не следует допускать расширительного толкования понятия уголовно наказуемого хулиганства с тем, чтобы были исключены случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в мелком хулиганстве (пункт 20 постановления).

III. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

A. Международный пакт о гражданских и политических правах

31. Пункт 7 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает следующее:

«Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны».

B. Статут Международного уголовного суда

32. Статья 20 Статута Международного уголовного суда предусматривает следующее:

«1. За исключением случаев, предусмотренных в настоящем Статуте, никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, составляющее основу состава преступления, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано Судом».

2. Никакое лицо не может быть судимо никаким другим судом за упоминаемое в статье 5 преступление, в связи с которым это лицо уже было признано виновным или оправдано Судом.

3. Никакое лицо, которое было судимо другим судом за деяние, запрещенное также по смыслу статьями 6, 7 и 8, не может быть судимо Судом за то же деяние, если разбирательство в другом суде:

а) предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда; или

б) по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что в существующих обстоятельствах не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию».

С. Нормы Европейского союза и Шенгенского соглашения

33. Статья 50 Хартии об основных правах Европейского союза, которая была торжественно провозглашена Европейским парламентом, Европейским советом и Европейской комиссией в г. Страсбурге 12 декабря 2007 г. (документ OJ 14.12.2007, С 303/1), гласит следующее:

«Никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке за преступление, в совершении которого оно уже было окончательно оправдано или осуждено на территории Европейского союза в соответствии с законом».

34. Статья 54 Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г. (далее — КПШС) предусматривает следующее:

«Лицо, в отношении которого был вынесен окончательный приговор одной Договаривающейся Стороной, не может за те же деяния подвергаться преследованию другой Договаривающейся Стороной, при условии, что, в случае осуждения, наказание было отбыто, продолжает отбываться или не может быть исполнено в соответствии с законами Договаривающейся Стороны, где был вынесен обвинительный приговор».

35. Суд Европейских сообществ признал принцип *non bis in idem*¹ фундаментальным принципом права Европейских сообществ (постановление Суда Европейских сообществ от 15 октября 2002 г. по делу «Компания “Лимбургсе винил маатшappий НВ (ЛВМ)” и другие заявители против Комиссии Европейских сообществ» [*Limburgse Vinyl Maatschappij NV (LVM) and others v. Commission*], С-238/99 Р, С-244/99 Р, С-245/99 Р, С-247/99 Р, С-250/99 Р — С-252/99 Р и С-254/99, § 59):

«<...> принцип *non bis in idem*, являющийся фундаментальным принципом права Европейских сообществ и воплощенный также и в пункте 1 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, исключает возможность того, чтобы — по делам о конкуренции — какое-либо предприятие было бы признано виновным повторно или чтобы против него повторно было бы возбуждено дело в связи с действиями, направленными на подрыв свободной конкуренции, за которые против него были уже наложены санкции или за которые оно было уже освобождено от ответственности ранее вынесенным решением, не подлежащим обжалованию».

36. В сфере права, регулирующего конкуренцию, Суд Европейских сообществ придерживался следующего подхода для проверки соблюдения принципа *non bis in idem* (постановление Суда Европейских сообществ от 7 января 2004 г. по делу «Компания “Аалборг портланд” и другие заявители против Комиссии Европейских сообществ» [*Aalborg Portland and others v. Commission*], С-204/00Р, 205/00Р, 211/00Р, 213/00Р, 217/00Р, 219/00Р, § 338):

«Что касается вопроса о соблюдении принципа *ne bis in idem*, то применение этого принципа должно отвечать трем взаимосвязанным условиям: должны иметь место тождественность фактов, единственность правонарушителя и единство защищаемого правового интереса. Согласно этому принципу поэтому на одно и то же лицо не могут быть наложены санкции более одного раза за один противоправный курс действий, направленный на защиту одного и того же юридического актива».

37. Прецедентная практика Суда Европейских сообществ по вопросу о сотрудничестве полиции и судов по уголовным делам основывается на иной интерпретации принципа *non bis in idem* (постановление Суда Европейских сообществ от 9 марта 2006 г. по делу С-436/04 в связи с уголовным делом по обвинению Леопольда Генри ван Эсбрука [*Léopold Henri Van Esbroeck*]):

«27. В первую очередь, однако, выражение из статьи 54 КПШС “за те же деяния” показывает, что эта норма указывает только на характер деяний, о которых может идти речь, а не на их правовую квалификацию.

28. Следует также отметить, что термины, используемые в этой статье, отличаются от терминов, используемых в других международных договорах, которые закрепляют принцип *ne bis in idem*. В отличие от статьи 54 КПШС, пункт 7 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и статья 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод используют термин “преступление”, что предполагает, что правовая квалификация деяний здесь важна как предпосылка применимости принципа *ne bis in idem*, который закреплен в этих договорах.

<...>

30. Принцип *ne bis in idem*, закрепленный в этой статье, обязательно подразумевает, что Договаривающиеся Государства взаимно доверяют своим национальным системам уголовной юстиции и что каждое из них признаёт уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, действующее на территории другого Договаривающегося Государства, даже в том случае, если по делу, рассмотренному в последнем, будет достигнут результат иной, чем если было бы применено его собственное национальное законодательство (постановление Суда Европейских сообществ 2006 года по делу С-385/01 в связи с уголовными делами по обвинению Гёзютока и Брюгге [*Gözütok and Brügger*], Сборник постановлений Суда Европейских сообществ [*ECR*] I-1345), пункт 33).

31. Отсюда следует, что возможность различным образом квалифицировать одни и те же деяния в двух разных Договаривающихся Государствах не является препятствием для применения статьи 54 КПШС.

32. По тем же причинам критерий тождественности защищаемого правового интереса применяться не может, поскольку этот критерий скорее всего разнится от одного Договаривающегося Государства к другому.

¹ Non bis in idem (лат.) — (здесь) недопустимость повторного судебного преследования за одно и то же правонарушение (примечание редакции).

33. Вышеуказанные выводы также подтверждаются целью статьи 54 КППШС, которая состоит в том, чтобы гарантировать, что никто не привлекается к судебной ответственности за одни и те же деяния в Договаривающихся Государствах на том основании, что лицо осуществляло свое право на свободу передвижения (постановление Суда Европейских сообществ делу в связи с уголовными делами по обвинению Гёзютока и Брюгге, пункт 38, и постановление Суда Европейских сообществ 2005 года по делу С-469/03 в связи с уголовным делом по обвинению Миралии [*Miraglia*] Сборник постановлений Суда Европейских сообществ [*ECR*] I-2009, пункт 32).

34. Как указано генеральным адвокатом Суда¹ в пункте 45 своего Заключения по делу, это право на свободу передвижения эффективно гарантируется только в том случае, если правонарушитель знает, что, будучи однажды признанным виновным и отбыв назначенное ему наказание, или в соответствующих случаях, будучи оправданным вступившим в силу судебным актом государства-члена, он может передвигаться по территории стран Шенгенского соглашения без опасения быть привлеченным к судебной ответственности в другом государстве-члене на том основании, что в правовой системе этого государства-члена деяние, за которое он был осужден, квалифицируется как отдельное правонарушение.

35. Поскольку в национальных уголовных законах разных стран нет согласованности, критерий, основывающийся на правовой квалификации деяний или на защищаемом правом интересе, мог бы создать такое количество барьеров для осуществления права на свободу передвижения внутри территории стран Шенгенского соглашения, сколько в Договаривающихся Государствах имеется уголовно-правовых систем.

36. В этих обстоятельствах единственно важным критерием для применения статьи 54 КППШС является тождественность деяний, понимаемая в смысле наличия некоей совокупности обстоятельств, неразрывно между собой связанных.

<...>

38. <...> имеющая решающее значение оценка в этом отношении должна производиться <...> компетентными национальными судами, на которых лежит задача определить, образуют ли деяния, о которых идет речь по делу, совокупность обстоятельств, неразрывно между собой связанных по времени, месту совершения и по признаку объекта».

38. Суд Европейских сообществ подтвердил и развил такой подход в недавно рассмотренном деле, касавшемся применения принципа *non bis in idem* (постановление Суда Европейских сообществ от 18 июля 2007 г. по делу С-367/05 в связи с уголовным делом по обвинению Нормы Крайенбринк [*Norma Kraaijenbrink*]):

«26. <...> следует отметить, что Суд уже указывал, что единственно важным критерием для применения статьи 54 КППШС является тождественность деяний, понимаемая в смысле наличия некоей совокупности обстоятельств, неразрывно между собой связанных (см. постановление Суда Европейских сообществ по делу С-436/04 в связи с уголовным делом по обвинению Ван Эсбрука, пункт 36; постановление Суда Европейских сообществ 2006 года по делу С-467/04 в связи с уголовным делом по обвинению Гаспарини и других обвиняемых [*Gasparini and Others*], Сборник постановлений Суда Европейских сообществ [*ECR*] I-9199, пункт 54, а также постановление Суда Ев-

ропейских сообществ 2006 года по делу С-150/05 в связи с уголовным делом по обвинению Ван Страатена [*Van Straaten*], Сборник постановлений Суда Европейских сообществ [*ECR*] I-9327, пункт 48).

27. Для того чтобы оценить, имеется ли по делу таковая совокупность конкретных обстоятельств, компетентные национальные суды должны установить, образуют ли деяния, фигурирующие по двум делам, совокупность обстоятельств, неразрывно между собой связанных по времени, месту совершения и по признаку объекта (см. на сей счет постановления Суда Европейских сообществ по делам в связи с уголовными делами по обвинению Ван Эсбрука, пункт 38; Гаспарини и других обвиняемых, пункт 56, и Ван Страатена, пункт 52).

28. Отсюда следует, что точкой отсчета при оценке понятия “те же деяния” по смыслу положений статьи 54 КППШС должно быть изучение в целом конкретных противоправных действий, на основе которых были возбуждены уголовные дела, переданные на рассмотрение судов двух Договаривающихся Государств. Таким образом, статья 54 КППШС может быть применена только в тех случаях, когда суд, рассматривающий повторное уголовное дело, устанавливает, что вменяемые в вину деяния образуют единое целое, будучи связанными друг с другом по времени, месту совершения и по признаку объекта.

29. С другой стороны, если деяния не образуют такое неразрывное целое, одно лишь то обстоятельство, что суд, рассматривающий повторное уголовное дело, устанавливает, что лицо, предположительно виновное в совершении этих деяний, действовало с одинаковым преступным умыслом, не является достаточным для указания на то, что имеется совокупность неразрывно между собой связанных конкретных обстоятельств, на которые распространяется понятие “те же деяния” по смыслу положений статьи 54 КППШС.

30. Как, в частности, указала Комиссия Европейских сообществ, наличие субъективной связи между деяниями, в связи с которыми были возбуждены уголовные дела в двух разных Договаривающихся Государствах, отнюдь не означает, что имеется объективная связь между такими деяниями, которые, соответственно, могут различаться по времени, месту совершения и по своему характеру.

<...>

32. <...> именно компетентным национальным судам надлежит оценить, является ли степень тождественности и связи между всеми фактическими обстоятельствами, в связи с которыми были возбуждены эти уголовные дела в отношении одного и того же лица в двух Договаривающихся Государствах, таковой, что представляется возможным прийти к заключению, что это — “те же деяния” по смыслу положений статьи 54 КППШС.

<...>

36. В свете вышеуказанного ответ на первый вопрос должен поэтому быть таковым: статью 54 КППШС надлежит толковать, как означающую, что:

— важным критерием для целей применения этой статьи является тождественность деяний, понимаемая в смысле наличия некоей совокупности обстоятельств, неразрывно между собой связанных, вне зависимости от правовой квалификации деяний или защищаемого правового интереса;

— различные деяния, в частности, такие как, во-первых, хранение выручки от торговли наркотиками в

¹ При Суда Европейских сообществ состоит восемь должностных лиц, именуемых «генеральными адвокатами», которые выполняют функции советников Суда и представляют свои заключения по делам (примечание редакции).

одном Договаривающемся Государстве и, во-вторых, обмен сумм денежных средств, также вырученных от торговли наркотиками, в бюро обмена валюты в другом Договаривающемся Государстве нельзя считать “теми же деяниями” по смыслу положений статьи 54 КППШС только лишь потому, что компетентный национальный суд установил, что эти деяния связаны между собой единым преступным умыслом;

— именно этому национальному суду надлежит оценить, является ли степень тождественности и связи между всеми фактическими обстоятельствами таковой, что представляется возможным — в свете указанного важного критерия, установить, что это — “те же деяния” по смыслу положений статьи 54 КППШС».

D. Американская конвенция о правах человека

39. Пункт 4 статьи 8 Американской конвенции о правах человека гласит следующее:

«Обвиняемый, оправданный на основе решения, не подлежащего обжалованию, не привлекается к новому суду по тому же основанию».

40. Межамериканский Суд по правам человека дал следующее толкование вышеуказанному положению (в своем постановлении от 17 сентября 1997 г. по делу «Лоайза-Тамайо против Перу» [*Loayza-Tamayo v. Peru*], серия «С», № 33, § 66):

«Целью этого принципа является защита прав граждан, которых судили за совершение конкретных действий, от того, чтобы быть преданными новому суду по тому же основанию. В отличие от фразы, используемой другими международными правозащитными актами (например, Международным пактом ООН о гражданских и политических правах, пункт 7 статьи 14, в котором указывается на одно и то же “преступление”), в Американской конвенции используется выражение “по тому же основанию”, что является намного более широким термином в пользу потерпевшего».

E. Верховный суд США

41. в Соединенных Штатах правило о недопустимости «двойной угрозы»¹ [*the double-jeopardy rule*] вытекает из поправки V к Конституции США, соответствующая часть которой гласит:

«<...> никто не должен за одно и то же правонарушение дважды подвергаться угрозе лишения жизни или нарушения телесной неприкосновенности <...>».

42. В своем постановлении 1932 года по делу «Блокбургер против Соединенных Штатов» [*Blockburger v. United States*] (Сборник постановлений Верховного суда США [*U.S.*], том 284, с. 299), в котором обвиняемый продал наркотические препараты не в оригинальной упаковке и без письменного заказа покупателя и в котором этот акт продажи образовал составы двух законодательно предусмотренных преступлений, Верховный суд предложил следующее толкование вышеупомянутого правила:

«Согласно статье 1 Закона «О наркотиках» [*the Narcotic Act*] предусмотрена уголовная ответственность за продажу любых запрещенных к обращению наркотических препаратов за исключением их продажи в оригинальной

проштемпелеванной упаковке или из такой упаковки; статьей 2 предусмотрена уголовная ответственность за продажу любых таких наркотических препаратов без получения письменного заказа от лица, которому препарат продается. Таким образом, налицо факт, что закон предусматривает два различных преступления. В данном случае имела место одна продажа, и вопрос в том, были ли нарушены обе статьи одним и тем же деянием, совершил ли обвиняемый два преступления или только одно.

<...>

Каждое из предусмотренных преступлений требует доказывания различных элементов. Действующее правило состоит в том, что в тех случаях, когда одно и то же деяние или одна и та же сделка являются нарушением двух различающихся норм закона, то для определения, имели ли место два преступления или только одно, надлежит применять критерий, требует ли каждая норма закона доказывания дополнительных фактов, доказывания которых другая норма не требует <...>. Наш Суд цитировал постановление Верховного суда штата Массачусетс по делу «Мори против Содружества Массачусетс» [*Morey v. Commonwealth*], Сборник постановлений Верховного суда штата Массачусетс [*Mass.*], том, 108, с. 433, и заимствовал его формулировки: “Одно деяние может быть преступлениями, предусмотренными двумя статутами; и если каждый из статут требует доказывания дополнительного факта, доказывания которого не требует другой статут, то вынесение оправдательного приговора или обвинительного приговора в соответствии с любым из этих статут не освобождает обвиняемого от привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания в соответствии с другим статутом”».

43. В своем постановлении 1990 года по делу «Грэди против Корбина» [*Grady v. Corbin*] (Сборник постановлений Верховного суда США [*U.S.*], том 495, с. 508), которое касалось причинения обвиняемым Корбиным «смерти в результате наезда автомобиля», Верховный суд США разработал иной подход:

«<...> Проведение узко юридического сравнения элементов составов двух преступлений, как оно требуется постановлением по делу “Блокбургер против Соединенных Штатов”, не ограждает в достаточной мере обвиняемых от тягот повторяющихся судебных разбирательств. Аналогичным образом настоящее дело демонстрирует ограниченность анализа, содержащегося в постановлении по делу “Блокбургер против Соединенных Штатов”. Если постановление по делу “Блокбургер против Соединенных Штатов” представляло бы собой полное исследование порядка применения правила о недопустимости “двойной угрозы” в контексте следующих друг за другом уголовных преследований, то власти штата могли бы судить Корбина в четырех, следующих друг за другом процессах: за то, что он не вел автомобиль правее разделительной полосы дороги, за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, за нападение на человека и за лишение человека жизни. На каждом процессе власти штата могли бы совершенствовать представление суду своих доказательств, оценивая, кто из свидетелей ранее дал более убедительные показания, какие документы возымели на суд большее воздействие, какие вступительные и заключительные заявления стороны обвинения наибольшим образом убедили присяжных. Корбину пришлось бы либо оспорить правомерность

¹ То есть недопустимость привлечения лица к уголовной ответственности дважды за совершение одного и того же преступления (примечание редакции).

каждого из этих процессов, либо сделать заявление о признании своей вины с тем, чтобы избежать причинения ему беспокойства и расходов.

Таким образом, от повторного уголовного преследования требуется больше, чем просто выдержать критерий, установленный в постановлении по делу “Блокбургер против Соединенных Штатов”. Как мы указали в постановлении по делу “Иллинойс против Витале” [*Illinois v. Vitale*], конституционное положение о недопустимости “двойной угрозы” запрещает любое повторное уголовное преследование, при котором государственное обвинение — для того, чтобы установить существенные элементы состава вменяемого в вину преступления — доказывает действия, образующие состав преступления, за совершение которого обвиняемого уже привлекали к уголовной ответственности <...>. Главный при этом вопрос — совершение каких действий доказывают власти штата, а не доказательства, которые представляют в суд власти штата, чтобы доказать совершение этих действий <...>. Власти штата не могут уклониться от исполнения предписаний конституционного положения о недопустимости “двойной угрозы”, при повторных уголовных преследованиях просто заменяя доказательства совершения одних и тех же действий <...>».

44. Тем не менее в постановлении 1993 года по делу «Соединенные Штаты против Диксона» [*United States v. Dixon*] (Сборник постановлений Верховного суда США [U.S.], том 509, с. 688) Верховный суд США вновь обратился к критерию, установленному в постановлении по делу «Блокбургер против Соединенных Штатов»:

«Защита прав обвиняемого на основе конституционного положения о недопустимости “двойной угрозы” действует при обычном уголовном преследовании за уголовно наказуемое неуважение к суду так же, как она действует и при иных уголовных преследованиях. В контексте как множественных наказаний, так и повторного уголовного преследования, запрещение “двойной угрозы” вступает в действие, если два преступления, за совершение которых обвиняемому назначили наказания или судили, не отвечают принципу “одни и те же элементы состава преступления”, то есть критерию, установленному постановлением по делу “Блокбургер против Соединенных Штатов” <...>. Этот критерий предполагает проверку, содержал ли состав каждого преступления элементы, которых не было в составе другого преступления; если же нет, то эти преступления не являются “одним и тем же правонарушением” по смыслу конституционного положения о недопустимости “двойной угрозы”, и принцип недопустимости “двойной угрозы” поэтому исключает повторное назначение наказания или повторное уголовное преследование <...>».

Хотя уголовное преследование [в настоящем деле] несомненно было бы исключено ввиду критерия “одни и те же действия”, установленного постановлением по делу “Грэди против Корбина”, это постановление должно быть отменено, потому что оно противоречит неразрывной линии решений <...> и привнесло неразбериху <...>. Кроме того, правило, установленное в постановлении по делу “Грэди против Корбина”, доказало нестабильность своего применения, см. постановление по делу «Соединенные Штаты против Феликса» [*United States v. Felix*], 503 U.S. ____¹. Хотя Суд отнюдь не с легкой душой пересматривает прецеденты, он никогда не чувствовал себя связанным предыдущими решениями, которые несостоятельны или плохо мотивированы».

¹ Сборник постановлений Верховного суда США [U.S.], том 503, с. 378 (1992) (примечание редакции).

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

45. При производстве по делу в Большой Палате государство-ответчик в первый раз заявило возражение по поводу того, что заявитель не исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты. Государство-ответчик утверждало, что заявитель не обжаловал наложение на него административного взыскания или постановление о возбуждении в его отношении уголовного дела.

46. Европейский Суд вновь подтверждает, что согласно правилу 55 Регламента Европейского Суда любое возражение против приемлемости жалобы должно быть указано, насколько это позволяет характер возражения и обстоятельства, в письменных или устных замечаниях по вопросу о приемлемости жалобы, представленных Высокой Договаривающейся Стороной-ответчиком (см. постановление Европейского Суда по делу «Прокопович против России» [*Prokopovich v. Russia*] (жалоба № 58255/00), § 29, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-XI (приводится в выдержках), с дальнейшими отсылками). На стадии рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу государство-ответчик не заявило никакого возражения, касающегося вопроса об исчерпании заявителем внутригосударственных средств правовой защиты. Следовательно, государство-ответчик на данной стадии производства по делу лишается права заявить предварительное возражение по поводу того, что заявитель не исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты. Возражение государства-ответчика должно быть поэтому отклонено.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 4 ПРОТОКОЛА № 7 К КОНВЕНЦИИ

47. Заявитель со ссылкой на статью 4 Протокола № 7 к Конвенции жаловался в Европейский Суд на то, что после того, как он уже отбыл наказание в виде административного ареста на трое суток за совершение мелкого хулиганства 4 января 2002 г., он был вновь судим за это же правонарушение. Статья 4 Протокола № 7 к Конвенции предусматривает следующее:

«1. Никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был окончательно оправдан или окончательно осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства.

2. Положения предыдущего пункта не препятствуют повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

3. Отступления от выполнения настоящей статьи на основании положений статьи 15 Конвенции не допускаются».

A. Вопрос о том, была ли первая санкция, примененная в отношении заявителя, уголовной по своему характеру

48. Европейский Суд отмечает, что 4 января 2002 г. заявителя признали виновным по результатам рассмотрения дела, проводившегося в соответствии с Кодексом РСФСР об административных правонарушениях, и в соответствии с российской правовой квалификацией

считавшегося «административным», а не «уголовным». Таким образом, для того чтобы установить, был ли заявитель «оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами <...> государства», сначала надо решить, касалось ли то производство по делу «уголовно-правового» вопроса по смыслу положений статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

1. Заключение Палаты Европейского Суда

49. Палата Европейского Суда, принимая во внимание максимальное взыскание в виде административного ареста на срок пятнадцать суток, которое могло быть наложено за совершение правонарушения, предусмотренное статьей 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, и административный арест на срок трое суток, который заявитель реально отбыл, сочла, что признание заявителя виновным по результатам рассмотрения дела 4 января 2002 г. приравнивается к осуждению «в уголовном порядке» по смыслу положений статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

2. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

(а) Доводы заявителя

50. В своем представлении в Европейский Суд заявитель указал, что его осуждение за совершение правонарушения, предусмотренного статьей 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, отвечает выработанным в прецедентной практике Европейского Суда критериям толкования понятия «уголовное обвинение». Заявитель отметил, что именно потенциальная санкция — в его случае пятнадцать суток лишения свободы — а не реальное взыскание, наложенное на него, было решающим фактором для правовой квалификации вменявшегося ему в вину правонарушения как «уголовного» (он при этом ссылался на постановление Европейского Суда от 8 июня 1976 г. по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов» [*Engel and Others v. the Netherlands*], § 85, серия «А», № 22, и на постановление Европейского Суда от 2 сентября 1998 г. по делу «Лауко против Словакии» [*Lauko v. Slovakia*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1998-VI). Заявитель напомнил, что на него были надеты наручники для доставки к судье, что его признали виновным в тот же день и наложили взыскание в виде трех суток лишения свободы со вступлением постановления о наложении взыскания в законную силу немедленно после его вынесения.

(б) Доводы государства-ответчика

51. Государство-ответчик согласилось с тем, что осуждение заявителя 4 января 2002 г. по своему характеру было «уголовным».

3. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

52. Европейский Суд вновь подтверждает, что правовая классификация вида судопроизводства согласно национальному законодательству не может быть единственным критерием значимости для применения принципа *non bis in idem* в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции. В противном случае применение этой нормы Конвенции было бы оставлено на усмотрение Договаривающихся Государств в такой степени, что это могло привести к результатам, противоречащим целям Конвенции (см. наиболее недавно вынесенное решение Ев-

ропейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы по делу «Стурбротен против Норвегии» [*Storbråten v. Norway*] (жалоба № 12277/04), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2007 — ... (приводится в выдержках), с дальнейшими отсылками). Понятие «уголовно-процессуальные нормы», содержащееся в тексте статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, должно толковаться в свете общих принципов, относящихся к соответствующим выражениям «уголовное обвинение» и «наказание» в статьях 6 и 7 Конвенции соответственно (см. решение Европейского Суда от 11 декабря 2007 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы по делу «Харвиг против Норвегии» [*Haarvig v. Norway*] (жалоба № 11187/05); решение Европейского Суда от 14 сентября 2004 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы по делу «Розенквист против Швеции» [*Rosenquist v. Sweden*] (жалоба № 60619/00); решение Европейского Суда от 8 апреля 2003 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы по делу «Манассон против Швеции» [*Manasson v. Sweden*] (жалоба № 41265/98); постановление Европейского Суда по делу «Гёктан против Франции» [*Göktan v. France*] (жалоба № 33402/96), § 48, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2002-V; постановление Европейского Суда от 23 сентября 1998 г. по делу «Малиж против Франции» [*Malige v. France*], § 35, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1998-VII; решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы по делу «Нильссон против Швеции» [*Nilsson v. Sweden*] (жалоба № 73661/01), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2005 — ...).

53. В устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда выработаны три критерия, обычно именуемые как «критерии дела Энгеля» (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов»), которые надлежит принимать во внимание при установлении, было ли по делу предъявлено «уголовное обвинение» или нет. Первым критерием является правовая квалификация правонарушения в соответствии с национальным законом, второй критерий — сам характер правонарушения, а третьим критерием является степень суровости наказания, которому может подвергнуться соответствующее лицо. Второй и третий критерии используются альтернативно и необязательно в совокупности. Это, однако, не исключает совместного использования и того и другого критерия в случаях, когда анализ каждого из них в отдельности не позволяет сделать однозначный вывод о существовании в деле уголовного обвинения (см. в качестве недавних источников по данному вопросу постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юссила против Финляндии» [*Jussila v. Finland*] (жалоба № 73053/01), § 30—31, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2006 — ..., постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства» [*Ezeh and Connors v. the United Kingdom*] (жалобы № 39665/98 и 40086/98), § 82—86, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2003-X).

54. По российской правовой классификации правонарушение «мелкое хулиганство», предусмотренное статьей 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, считалось «административным» правонарушением.

Тем не менее Европейский Суд вновь подтверждает, что ранее он устанавливал, что к отрасли законодательства, определяемой в российской и других схожих правовых системах как «административная», отнесены некоторые правонарушения, которые по своей сути являются уголовными, но они слишком малозначительны для того, что бы на них распространялось действие норм уголовного права и уголовного процесса (см. постановление Европейского Суда по делу «Менешева против России» [*Menesheva v. Russia*] (жалоба № 59261/00), § 96, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006 — ...; постановление Европейского Суда от 15 ноября 2007 г. по делу «Галстян против Армении» [*Galstyan v. Armenia*] (жалоба № 26986/03), § 57; постановление Европейского Суда от 1 февраля 2005 г. по делу «Зилиберберг против Молдавии» [*Ziliberberg v. Moldova*] (жалоба № 61821/00), § 32—35).

55. По своему характеру включение правонарушения «мелкое хулиганство» в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях служило целям гарантирования защиты человеческого достоинства и общественного порядка — ценностей и интересов, которые обычно находятся в сфере охраны уголовным законом. Соответствующая норма указанного Кодекса обращена ко всем гражданам, а не к группе лиц, обладающей особым статусом. Указание на «мелкий» характер хулиганства само по себе не исключает его правовую классификацию как «уголовного» правонарушения в самостоятельном понимании этого деяния в рамках Конвенции, поскольку ничто в Конвенции не говорит о том, что для определения характера правонарушения как уголовного — по смыслу критериев дела Энгеля — обязательно требуется наличие определенной степени тяжести (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства», § 104). Наконец, Европейский Суд считает, что главные цели в установлении правонарушения, о котором идет речь, были наказание и профилактика, которые признаются типичными признаками уголовных санкций (выше, § 102 и 105).

56. Что касается степени строгости меры, предпринимаемой властями, то она определяется максимальной потенциальной санкцией, предусматриваемой соответствующим законом. Реально назначенное наказание имеет отношение к такому определению, но оно не может принизить важность того, о чем шла речь изначально (выше, § 120). Европейский Суд отмечает, что статья 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях предусматривала пятнадцать суток лишения свободы в качестве максимальной санкции и что на заявителя в конечном счете было наложено взыскание в виде трех суток лишения свободы. Как Суд подтверждал во многих случаях, в обществе, приверженном принципу верховенства права, в тех случаях, когда санкция, предусматриваемая законом, и санкция, реально применяемая в отношении того или иного заявителя, включает лишение человека свободы, существует презумпция, что обвинения, предъявляемые заявителю, являются «уголовными». Эта презумпция может быть опровергнута только лишь в исключительных случаях и только тогда, когда лишение свободы не может считаться «ощутимо пагубным» для правонарушителя с учетом характера обвинений, длительности или способа исполнения данного наказания (см. вышеупомянутые постановления Европейского Суда по делам «Энгель и другие заявители против Нидерландов», § 82, и «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства», § 126). В настоящем деле Суд не усматривает никаких подобных исключительных обстоятельств.

57. В свете вышеизложенных соображений Европейский Суд приходит к выводу — такому же, как и Палата Суда — что характер правонарушения «мелкое хулиганство» и строгость санкции были таковыми, что на осуждение заявителя 4 января 2002 г. распространяется клаузула статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции об «уголовно-процессуальных нормах».

В. Вопрос о том, были ли правонарушения, за совершение которых заявитель был привлечен к ответственности, одними и теми же (idem)

58. Статья 4 Протокола № 7 к Конвенции устанавливает гарантию, в соответствии с которой никто не должен быть судим или наказан за совершение преступления, за совершение которого он уже был окончательно оправдан или осужден. С учетом числа обвинений, предъявленных заявителю по уголовному делу, Европейский Суд считает необходимым прежде всего установить, было ли какое-либо из уголовных правонарушений, в совершении которых обвинялся заявитель, по существу тождественно административному правонарушению, за совершение которого он был осужден.

1. Заключение Палаты Европейского Суда

59. Палата Европейского Суда установила: что касается осуждения заявителя в уголовном порядке по статьям 318 и 319 УК России за угрозу применения насилия в отношении представителя власти и публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей, то осуждение по этим статьям основывалось на действиях заявителя, отличающихся от действий, на которых было основано его осуждение за совершение «хулиганства», и во времени следовавших за ними. С другой стороны, в обвинении в совершении «хулиганства» по статье 213 УК России, предъявленном заявителю, указывались те же факты, что были положены в основу его осуждения по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. Учитывая, что правонарушение «мелкое хулиганство», как оно определено в статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, и правонарушение «хулиганство» по статье 213 УК России имели одинаковые главные элементы своих составов, а именно нарушение общественного порядка, Палата Суда сделала заключение, что заявитель был привлечен к уголовной ответственности за совершение правонарушения, за совершение которого он ранее был уже осужден.

2. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

(а) Доводы заявителя

60. Заявитель указал в своей жалобе в Европейский Суд, что в тех случаях, когда за совершение различных правонарушений человека привлекают к ответственности в последовательном порядке, как результат одного деяния, ключевой вопрос состоит в том, имели ли составы этих правонарушений «одинаковые главные элементы». В прецедентной практике Европейского Суда отдельные правонарушения различаются, при этом Суд использует критерий наличия в них «одинаковых главных элементов» в пяти случаях. Во-первых, в том случае, когда действия, вменяемые в вину заявителю, были не одними и теми же, что касается двух правонарушений (как в вышеупомянутом деле «Манассон против Швеции»). Во-вторых, в том случае, когда составы самих правонарушений содержат различные существенные признаки (как в деле

«Шютте против Австрии» [*Schutte v. Austria*] (постановление Европейского Суда от 26 июля 2007 г. по жалобе № 18015/03): Уголовный кодекс Австрии предусматривал ответственность за угрозу применения или применение насилия против представителя власти, тогда как Закон «О безопасности дорожного движения» [*the Road Traffic Act*] предусматривал ответственность просто за отказ водителя остановить свой автомобиль для проверки документов). В-третьих, в том случае, когда требовалось доказать — в качестве важного условия для осуждения обвиняемого — характер субъективной стороны одного правонарушения, но этого не требовалось в отношении другого правонарушения (доказывание умысла или неосторожности, как в вышеупомянутом деле «Розенквист против Швеции», или доказывание умышленного бездействия, как в деле «Понсетти и Шеснель против Франции» [*Ponsetti and Chesnel v. France*] (решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалоб № 36855/97 и 41731/98, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 1999-VI). В-четвертых, в том случае, когда цель санкций была разная (например, предупреждение и профилактика правонарушений в отличие от кары за их совершение, как в деле «Мйельде против Норвегии» [*Mjelde v. Norway*] (решение Европейского Суда от 1 февраля 2007 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 11143/04). В-пятых, в том случае, когда санкции касаются двух различных юридических лиц (как в деле «Исаксен против Норвегии» [*Isaksen v. Norway*] (решение Европейского Суда от 2 октября 2003 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 13596/02).

61. Что касается настоящего дела, то заявитель указал: ему было предъявлено обвинение по уголовному делу по статье 213 УК России за его действия утром 4 января 2002 г., за которые на него уже было наложено административное взыскание. По его словам, составы правонарушений, за совершение которых он был привлечен к ответственности по статье 213 УК России и по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, соответственно содержали одинаковые главные элементы, как фактические, так и юридические.

62. По мнению заявителя, оба дела в отношении него касались одних и тех же фактов, то есть сквернословие в адрес сотрудников милиции, нарушение общественного порядка, отказ подчиниться распоряжениям сотрудников милиции и попытка побега из отделения внутренних дел утром 4 января 2002 г. Фактическая идентичность этих действий заявителя вытекала из их описания в протоколе о совершении административных правонарушений от 4 января 2002 г. и в обвинительном заключении от 19 апреля 2002 г.

63. Что касается правовой квалификации этих действий, то привлечение заявителя к ответственности за их совершение было возможно либо по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, либо по статье 213 УК России. Хотя *actus reus*¹ двух правонарушений не вполне одинаково, их составы содержали одинаковые главные элементы. Понятие «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу» по статье 213 УК России по сути охватывает собой понятие «нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам» по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях.

Заявитель сослался на практику Верховного Суда Российской Федерации, который с 1978 года указывал, что одно деяние может образовать состав либо административного правонарушения «мелкое хулиганство», или состав уголовно наказуемого «хулиганства», но никак не оба состава (см. выше, пункт 30 настоящего постановления). Следовательно, возможность ответственности за одно деяние, образующее состав отдельных правонарушений [*concoeurs ideal d'infractions*], в настоящем деле исключена.

(b) Доводы государства-ответчика

64. В своих представлениях Европейскому Суду государство-ответчик утверждало, что заявитель совершил два правонарушения, которые отличались друг от друга как с фактической, так и с юридической точки зрения.

65. Что касается фактической стороны дела, то государство-ответчик утверждало: уголовное преследование заявителя за совершение преступления «хулиганство» по части второй статьи 213 УК России имело отношение к его сквернословию в адрес капитана милиции С. и майора милиции К., когда последний составлял протокол об административном правонарушении, то есть *после того, как* административное правонарушение уже было совершено. В соответствии с тем, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, с учетом требований, чтобы производство по административному делу должно быть осуществлено «быстро» и в «разумный срок», национальные власти не смогли незамедлительно привлечь заявителя к уголовной ответственности за вышеуказанные его действия, поскольку власти занимались доставкой заявителя к судье. Для возбуждения уголовного дела потребовалось дополнительное время и завершение составления определенных процессуальных актов. По мнению государства-ответчика, настоящее дело в смысле его фактических обстоятельств схоже с вышеупомянутым делом «Шютте против Австрии» и делом «Аски против Австрии» [*Asci v. Austria*] (решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 4483/02, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2006 — ...).

66. Что касается правовой классификации деяний, то государство-ответчик признало, что ответственность как за административное правонарушение «мелкое хулиганство», так и за уголовно наказуемое «хулиганство» защищает один и тот же законный интерес — охрану общественного порядка. Однако эти два правонарушения различаются своим *actus reus*, тяжестью нарушения общественного порядка, а также строгостью предусмотренных за их совершение санкций. Административное правонарушение является менее тяжким противоправным деянием, чем преступление, поскольку под административным правонарушением понимается просто отступление от социальных и моральных норм, тогда как преступление предполагает использование насилия против представителя власти и сопротивление ему. Государство-ответчик указало, что «мелкое хулиганство» не только наказывается более коротким сроком лишения свободы, но и условия содержания под административным арестом также лучше, чем условия в исправительном учреждении, где осужденные преступники отбывают назначенные им сроки наказания. Поэтому нельзя говорить о тождественности двух правонарушений.

(c) Доводы третьей стороны

67. Третья сторона утверждала, что французское слово «*infraction*» и английское слово «правонарушение»

¹ Actus reus (лат.) — виновное действие; действие, в совершении которого обвиняется подозреваемый или обвиняемый; объективная сторона противоправного действия (примечание редакции).

[*offence*] имеют двоякое происхождение: во-первых, в реальном, конкретном, злоумышленном деянии, которое вызвало нарушение общественного порядка, а во-вторых, в правовой квалификации правонарушения, то есть в диспозитивной части правовой нормы, описывающей действия, подлежащие наказанию. Неюридическое значение слов «*infraction*» или «правонарушение» относится к действиям правонарушителя. Эта путаница скреплялась международно-правовыми актами, в которых фактически использовались оба выражения («правонарушения» и «факты»). Этим-то и объясняется, почему слово «правонарушение» [*offence*] было переведено, как «*les mêmes faits*» во французском варианте Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г.

68. По мнению третьей стороны, двусмысленность, окружающая термины «*infraction*» и «правонарушение», создала путаницу внутри учреждений Конвенции. В то время как Комиссия по правам человека в своем решении от 7 марта 1996 г. по делу «Ранинен против Финляндии» [*Raninen v. Finland*] (жалоба № 20972/92), Европейский Суд в своем постановлении от 23 октября 1995 г. по делу «Градингер против Австрии» [*Gradinger v. Austria*] (серия «А», № 328-С) использовали слово «правонарушение» для описания действий заявителя, постановление Европейского Суда от 30 июля 1998 г. по делу «Оливейра против Швейцарии» [*Oliveira v. Switzerland*] (Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1998-V) было сигналом нового отхода от прежних понятий: Суд согласился, что различные суды могут рассматривать дела о «раздельных правонарушениях, даже если эти правонарушения являются частью единого преступного деяния». Отсюда понятие «правонарушение», толкуемое как «действия», начало уступать дорогу подходу, который авторы текста Протокола № 7 к Конвенции не предвидели.

69. Третья сторона подвергла критике прецедентную практику Европейского Суда за ее непредсказуемость и правовую неопределенность и призвала Суд взять на вооружение более последовательный подход. По мнению третьей стороны, подход, заключающийся в определении термина *idem* на основе понятия «одни и те же факты», является намного более безопасным для гражданина методом, чем подход, основывающийся на правовой тождественности. Взятие на вооружение подхода на основе понятия «одни и те же факты» укрепило бы доверие к прецедентной практике Суда, касающееся неотчуждаемого права, которое ни при каких обстоятельствах не должно быть объектом свободного усмотрения национальных властей.

3. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

(а) Краткое изложение существующих подходов

70. Свод норм прецедентной практики, созданный Европейским Судом на протяжении истории применения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, демонстрирует существование нескольких подходов к вопросу, были ли одни и те же правонарушения, за совершение которых заявитель был привлечен к ответственности.

71. Первый подход, который концентрируется на понятии «одни и те же действия» заявителя вне зависимости от правовой квалификации этих действий [*idem factum*], иллюстрируется постановлением Европейского Суда по делу «Градингер против Австрии». В этом деле г-н Градингер был осужден в уголовном порядке за причинение смерти человеку по неосторожности, а также оштрафован по результатам рассмотрения администра-

тивного дела по обвинению в управлении автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Европейский Суд установил, что хотя обозначение, характер и цель двух этих правонарушений были разными, по делу имело место нарушение требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, поскольку решения по обоим делам основывались на одних и тех же действиях заявителя (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Градингер против Австрии», § 55).

72. Второй подход также исходит из предпосылки, что действия обвиняемого, за которые он был привлечен к ответственности, являются одними и теми же, но постулирует, что одни и те же действия могут образовать составы нескольких правонарушений [*concoeurs idéal d'infractions*], за совершение которых можно человека судить в отдельных процессах. Этот подход был выработан Европейским Судом в постановлении по вышеупомянутому делу «Оливейра против Швейцарии», в котором заявительница сначала была осуждена за то, что она не справилась с управлением своим автомобилем, а затем — за причинение телесных повреждений по неосторожности. Ее автомобиль выехал на противоположную часть дороги, ударив один автомобиль, а затем столкнувшись со вторым автомобилем, водителю которого были причинены серьезные телесные повреждения. Европейский Суд установил, что факты дела являли собой типичный пример единого деяния, образующего составы *различных* правонарушений, тогда как статья 4 Протокола № 7 к Конвенции запрещает только судить людей дважды за совершение *одного и того же* правонарушения. По мнению Суда, хотя принципу надлежащего отправления правосудия более отвечало бы, если приговоры по делам в отношении обоих правонарушений были бы вынесены одним и тем же судом по результатам единого разбирательства, тот факт, что по рассматриваемому делу речь шла о двух судебных разбирательствах, не имеет решающего значения. То обстоятельство, что дела об отдельных правонарушениях, даже в тех случаях, когда они все составляли часть единого преступного деяния, рассматривались разными судами, не привело к нарушению требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, особенно в случае, когда не производилось сложение санкций (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Оливейра против Швейцарии», § 25—29). В позже рассмотренном деле «Гёктан против Франции» Суд также постановил, что по делу не было никакого нарушения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, потому что одни и те же преступные действия, за совершение которых заявитель был осужден, образовывали составы двух отдельных правонарушений: уголовно наказуемые операции с незаконно ввозимыми в страну наркотиками и таможенное правонарушение, состоящее в неуплате таможенной пошлины (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Гёктан против Франции», § 50). Такой подход был также применен в делах «Готьё против Франции» [*Gauthier v. France*] (решение Европейского Суда от 24 июня 2003 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 61178/00) и «Онгун против Турции» [*Ongun v. Turkey*] (решение Европейского Суда от 10 октября 2006 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 15737/02).

73. При третьем подходе делается упор на «главные элементы» составов двух правонарушений. В своем постановлении от 29 мая 2001 г. по делу «Франц Фишер против Австрии» [*Franz Fischer v. Austria*] (жалоба № 37950/97), Европейский Суд подтвердил, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции допускает уголовное преследование за совершение нескольких правонарушений, вытекающих из единого преступного деяния [*concoeurs idéal d'infractions*].

Однако, поскольку было бы несовместимым с этой нормой Конвенции судить и наказывать того или иного заявителя вновь за совершение правонарушений, которые лишь «номинально различны», Суд указал, что ему надлежит дополнительно изучить, имели ли составы таких правонарушений одни и те же «главные элементы» или не имели. Так как в деле г-на Фишера состав административного правонарушения, состоявшего в управлении автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, и состав преступления, состоявшего в причинении человеку смерти по неосторожности, «находясь в состоянии алкогольного опьянения», имели одни и те же «главные элементы», Суд установил факт нарушения требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции. Суд также указал, что, случись так, что два правонарушения, за совершение которых соответствующее лицо было привлечено к ответственности, совпадали бы только слегка, не было бы причин указывать, что обвиняемый не мог бы быть поочередно привлечен к ответственности за совершение каждого из них. Такого же подхода Суд придерживался в своем постановлении от 30 мая 2002 г. по делу «W.F. против Австрии» [*W.F. v. Austria*] (жалоба № 38275/97,) и в постановлении от 6 июня 2002 г. по делу «Сайлер против Австрии» [*Sailer v. Austria*] (жалоба № 38237/97); оба дела основывались на схожих совокупностях обстоятельств.

74. Со времени введения концепции «главных элементов» правонарушений Европейский Суд часто ссылался на нее в рассматривавшихся затем делах. По делу «Манассон против Швеции» было установлено, что «главным элементом», отличавшим нарушение налогового законодательства от уголовного правонарушения, было то, что «заявитель при подаче своей налоговой декларации полагался на неправильную информацию, содержащуюся в бухгалтерских книгах» (см. упомянутое выше решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы по делу «Манассон против Швеции»). Аналогичным образом, по делу «Бахмайер против Австрии» [*Bachmaier v. Austria*], Суд отметил, что специальное отягчающее вину обстоятельство в виде управления автомобилем в состоянии алкогольного опьянения было установлено только по одному из дел (см. решение Европейского Суда от 2 сентября 2004 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 77413/01).

75. В ряде дел, связанных с налоговыми правонарушениями, было установлено, что два налоговых правонарушения различаются по преступному умыслу и цели (см. упомянутое выше решение Европейского Суда по делу «Розенквист против Швеции»). Такие же два различия были установлены как важные в упомянутых выше делах «Стурбротен против Норвегии» и «Хаарвиг против Норвегии».

76. Другой набор «главных элементов» фигурировал в анализе Европейского Суда по двум делам против Австрии. По делу «Хаузер-Спорн против Австрии» [*Hauser-Sporn v. Austria*] Суд постановил, что правонарушение, состоявшее в оставлении без помощи потерпевшего от наезда автомобиля, и правонарушение, состоявшее в несообщении полиции о случившемся наезде автомобиля на человека, различались по преступному умыслу, а также имели отношение к различным действиям и бездействию (см. постановление Европейского Суда от 7 декабря 2006 г. по делу «Хаузер-Спорн против Австрии» (жалоба № 37301/03), § 43—46). В деле «Шютте против Австрии» «главный элемент» одного правонарушения состоял в угрозах или использовании силы как способа оказания сопротивления законным требованиям представителя власти, тогда как «главный элемент» другого правонаруше-

ния состоял в простом бездействии в контексте обеспечения безопасности движения, а именно в отказе остановить автомобиль по требованию полицейских (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Шютте против Австрии», § 42).

77. Наконец, в своем наиболее недавно вынесенном решении по обсуждаемому вопросу Европейский Суд определил, что составы двух правонарушений, фигурировавших по делу, имели различные «главные элементы» в том смысле, что эти правонарушения отличались друг от друга в смысле их тяжести и наступивших последствий, посягаательства на социальную ценность, защищаемую законом, по преступному умыслу (см. решение Европейского Суда от 4 марта 2008 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 2529/04 по делу «Гарретта против Франции» [*Garretta v. France*]).

(б) Согласование подходов, которыми надлежит руководствоваться Европейскому Суду

78. Европейский Суд считает, что существование разнообразия подходов для установления того, было ли правонарушение, за совершение которого того или иного заявителя привлекают к ответственности, действительно правонарушением, за совершение которого он уже был осужден или оправдан, порождает правовую неопределенность, несовместимую с фундаментальным правом человека, а именно правом не привлекаться к судебной ответственности дважды за совершение одного и того же правонарушения. Именно на таком фоне Суд сейчас призван дать согласованное толкование понятия «одно и то же правонарушение» — элемента *idem* принципа *non bis in idem* — для целей применения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции. В интересах правовой определенности, предсказуемости и равенства граждан перед законом Суд не должен, не имея на то серьезных оснований, отходить от прецедентов, созданных в ранее рассмотренных им делах. Если же Суд не будет придерживаться динамичного и эволютивного подхода, есть опасность, что это станет препятствием на пути реформирования или совершенствования его прецедентной практики (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вильхо Эскелинен и другие заявители против Финляндии» [*Vilho Eskelinen and Others v. Finland*] (жалоба № 63235/00), § 56, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2007 — ...).

79. Анализ международно-правовых актов, в той или иной форме инкорпорировавших принцип *non bis in idem*, обнаруживает разнообразие терминов, в которые он облачается. Таким образом, статья 4 Протокола № 7 к Конвенции, пункт 7 статьи 14 Пакта ООН о гражданских и политических правах и статья 50 Хартии об основных правах Европейского союза упоминают «[одно и то же] правонарушение», Американская конвенция о правах человека говорит о «том же основании», Конвенция о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г. запрещает судебное преследование «за те же деяния», а Статут Международного уголовного суда использует термин «[то же] деяние». Разница между терминами «те же деяния» или «то же основание», с одной стороны, и термином «[одно и то же] правонарушение», с другой стороны, была указана Судом Европейских сообществ и Межамериканским Судом по правам человека как важный элемент в пользу принятия подхода, основанного строго на тождественности деяний и отвергающего правовую квалификацию этих деяний, как нерелевантную. Сделав такое указание, оба этих суда подчеркнули, что такой подход будет в пользу правонарушителя, который

будет знать, что, будучи однажды признанным виновным и отбыв назначенное ему наказание или будучи оправданным судом, он может не опасаться быть привлеченным к судебной ответственности за то же деяние (см. выше, пункты 37 и 40 настоящего постановления).

80. Европейский Суд считает, что использование слова «преступление» в тексте статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции не может оправдать более ограничительный подход. Суд вновь подтверждает, что Конвенция должна толковаться и применяться таким образом, чтобы гарантируемые ею права были практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными. Конвенция — это живой документ, который должен толковаться в свете условий сегодняшнего дня (см. среди других источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 25 апреля 1978 г. по делу «Тирер против Соединенного Королевства» [*Tyrer v. the United Kingdom*], § 31, серия «А», № 6, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства» [*Christine Goodwin v. the United Kingdom*] (жалоба № 28957/95), § 75, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-VI). Положения международного договора, такого, как Конвенция, должны толковаться в свете их целей, а также в соответствии с принципом эффективности (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» [*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*] (жалобы № 46827/99 и 46951/99), § 123, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2005-I).

81. Европейский Суд далее отмечает, что подход, при котором делается упор на правовой квалификации двух правонарушений, является слишком ограничительным в отношении прав личности, поскольку если Суд ограничит себя выводом о том, что лицо было привлечено к ответственности за правонарушения, имеющие различную правовую квалификацию, то Суд рискует подорвать гарантию, воплощенную в статье 4 Протокола № 7 к Конвенции, вместо того, чтобы сделать ее практической и эффективной, как это требуется Конвенцией (сравните с упомянутым выше постановлением Европейского Суда по делу «Франц Фишер против Австрии», § 25).

82. Соответственно, Европейский Суд придерживается той точки зрения, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции должна пониматься как запрещающая уголовное преследование или судебное разбирательство по делу о втором «правонарушении» в той мере, в какой оно основано на идентичных фактах или фактах, которые по существу одни и те же.

83. Гарантия, запечатленная в статье 4 Протокола № 7 к Конвенции, начинает действовать в момент начала нового уголовного преследования, когда предшествовавшее оправдание или предшествовавшее осуждение уже обрели силу *res judicata*¹. На этом этапе обязательно будут иметься материалы, образующие процессуальное решение, коим был завершен первый уголовный процесс, и перечень обвинений, предъявляемых заявителю по новому делу. Обычно эти документы будут содержать изложение обстоятельств дела, имеющих отношение как к правонарушению, за совершение которого заявителя уже судили, так и к правонарушению, за совершение которого ему предъявлены обвинения. По мнению Европейского Суда, такие изложения обстоятельств дела являются надлежащей точкой отсчета для установления, какие факты по обоим делам были идентичны или по существу одними и теми же. Суд подчеркивает: не имеет значения,

какие пункты нового обвинения в производстве по следующему делу были оставлены, а от каких власти отказались, потому что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции содержит гарантию против того, чтобы человека судили или привлекли бы ответственности с перспективой осуждения вновь по новому делу, а не запрет на второе осуждение или второе оправдание (сравните с пунктом 110 настоящего постановления, ниже).

84. Исследование Европейского Суда поэтому следует сконцентрировать на тех фактах дела, которые составляют совокупность конкретных фактических обстоятельств, касающихся одного и того же обвиняемого, и неразрывно связанны между собой по времени и месту, и наличие которых должно быть доказано для того, чтобы добиться осуждения или возбудить уголовное дело.

(с) Применение этого подхода в настоящем деле

85. Европейский Суд начнет свой анализ обстоятельств настоящего дела с обзора последовательности событий, имевших место 4 января 2002 г., и обвинений, предъявленных заявителю.

86. Рано утром подруга заявителя была обнаружена на территории войсковой части, и их обоих доставили в отделение внутренних дел № 9 для дачи объяснений. Никакого дела по факту незаконного проникновения подруги заявителя на территорию войсковой части возбуждено не было.

87. Будучи доставлен в отделение внутренних дел, заявитель начал кричать на г-жу Я. и капитана милиции С. и оттолкнул последнего. Заявитель затем попытался скрыться, но был остановлен, и на него надели наручники. Сотрудники милиции решили, что дерзкое поведение заявителя образует состав административного правонарушения.

88. Заявитель затем был препровожден в кабинет майора милиции К., который приступил к составлению протокола об административных правонарушениях. При этом также присутствовали капитан милиции С. и другой сотрудник милиции. Заявитель продолжал вести себя ненадлежащим образом и бранился в адрес майора милиции К.

89. После того, как протокол об административных правонарушениях был составлен, сотрудники милиции поместили заявителя в автомобиль, чтобы доставить его в Грибановский РОВД. По дороге заявитель продолжал браниться в адрес майора милиции К., который ехал в том же автомобиле, и грозил убить его.

90. Что касается дела, возбужденного в отношении заявителя, то Европейский Суд отмечает: во-первых, что 4 января 2002 г. Грибановский районный суд осудил заявителя за совершение правонарушения «мелкое хулиганство» по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. Хотя в постановлении Грибановского районного суда содержалось только одно предложение, относившееся к установлению фактов по делу, и не содержалось упоминания какие-либо доказательств, можно разумно предположить, что постановление основывалось на протоколе об административном правонарушении, который был составлен в милиции и представлен в Грибановский районный суд (см. выше, пункт 15 настоящего постановления). Из обстоятельств дела усматривается, что вскоре после того, как заявитель был доставлен в отделение внутренних дел № 9, его признали виновным в административном порядке за нецензурную брань в адрес сотрудников милиции и нарушение общественного порядка.

91. В последующем уголовном деле заявителю было предъявлено обвинение из трех пунктов в отношении со-

¹ Принцип *res judicata* предполагает — описывая это в упрощенном виде — недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела или дела по тождественному вопросу со вступившим в законную силу решением (примечание редакции).

бытий, имевших место 4 января 2002 г. (см. выше, обвинительное заключение, цитируемое в пункте 21 настоящего постановления). Во-первых, по статье 213 УК РФ ему было предъявлено обвинение в совершении «хулиганства» за нецензурную брань в адрес г-жи Я. и капитана милиции С. и за нарушение общественного порядка сразу же после того как заявитель был доставлен в отделение внутренних дел № 9. Во-вторых, по статье 319 УК РФ ему было предъявлено обвинение в публичном оскорблении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей за нецензурную брань в адрес майора милиции К. в его кабинете, пока тот составлял протокол об административном правонарушении. В-третьих, по статье 318 УК РФ ему было предъявлено обвинение в угрозе применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей за то, что при транспортировке в Грибановский РОВД заявитель угрожал майору милиции К. убийством.

92. Это краткое повторение событий и обвинений демонстрирует, что в первом эпизоде заявитель выражался нецензурно в адрес г-жи Я. и капитана милиции С. в помещении паспортной службы, тогда как во втором и третьем эпизоде он оскорблял майора милиции К. сначала в его кабинете, затем в автомобиле и угрожал ему насилием. Следовательно, между этими тремя эпизодами не было никакого временного или пространственного единства. Отсюда следует, что хотя по существу поведение заявителя было схожим в течение всего дня 4 января 2002 г. — в том смысле, что он продолжал устно браниться в адрес разных должностных лиц — оно не было длящимся деянием, а скорее различными проявлениями одних и тех же действий, совершённых при ряде различных обстоятельств (сравните с упомянутым выше делом «Ранинен против Финляндии»).

93. Что же касается второго и третьего эпизодов, касающихся майора милиции К., то обвинения на сей счет были предъявлены заявителю в первый и единственный раз в уголовном деле. Нельзя поэтому говорить, что он был судим вновь за совершение правонарушения, за совершение которого он уже был осужден или оправдан. Соответственно, по делу не возникает никакого вопроса в контексте статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции в отношении уголовного преследования заявителя по статьям 318 и 319 УК РФ.

94. Ситуация, однако, иная в отношении хулиганских действий, за совершение которых заявитель сначала был осужден в административном порядке по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, а затем привлечен к уголовной ответственности по статье 213 УК РФ. Поскольку по делу речь идет об одних и тех же действиях со стороны одного и того же обвиняемого и в рамках одного и того же временного периода, от Европейского Суда требуется проверить, были ли идентичны или по существу одними и теми же фактические обстоятельства правонарушения, за совершение которого заявитель был осужден, и фактические обстоятельства правонарушения, за совершение которого он был привлечен к ответственности.

95. В определение правонарушения «мелкое хулиганство» по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях включено три вида противоправных действий: «нецензурная брань в общественных местах», «оскорбительное приставание к гражданам» и «другие подобные действия, нарушающие общественный порядок». Наличие каждого из этих элементов само по себе является достаточным для признания обвиняемого виновным. Из числа этих элементов Грибановский районный суд принял во внимание два: нецензурную брань в общественных местах и от-

каз подчиниться законным требованиям сотрудников милиции, что могло быть понято как вид «действий, нарушающих общественный порядок».

96. В последующем производстве по уголовному делу заявителю было предъявлено обвинение по статье 213, пункту «б» части второй, УК РФ. В связи с этим обвинением государственному обвинению требовалось доказать, что обвиняемый (а) грубо нарушил общественный порядок, выражая при этом явное неуважение к обществу; (б) применил насилие либо угрожал его применить; (с) оказал сопротивление представителю власти. Позиция государственного обвинения по уголовному делу состояла в том, что заявитель выражался нецензурно в адрес г-жи Я. и капитана милиции С., а также оттолкнул последнего и угрожал ему физической расправой. В задачи Европейского Суда не входит решение вопроса, был ли надлежащим образом доказан каждый из этих элементов, потому что, как указывалось выше, осуждение по второму делу не является требуемым элементом для применения гарантии статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, достаточно того, что по этим обвинениям заявителя привлекли к уголовной ответственности для предания суду, и (или) что его реально судили.

97. Факты, послужившие основой для привлечения заявителя к административной ответственности, относились к нарушению им общественного порядка в форме нецензурной брани в адрес сотрудников милиции г-жи Я. и капитана милиции С. и отталкивания последнего. Те же самые факты образовали главный элемент обвинения по статье 213 УК РФ, в соответствии с которым заявитель нарушил общественный порядок, выражаясь нецензурно, угрожая насилием капитану милиции С. и оказывая ему сопротивление. Таким образом, факты по двум делам отличались только одним элементом, а именно угрозой применить насилие, что не было упомянуто по первому делу. Соответственно, Европейский Суд находит, что уголовное обвинение по статье 213, пункт «б» части второй, УК РФ охватывало полностью обстоятельства правонарушения по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях и что, наоборот, состав правонарушения «мелкое хулиганство» не содержал никаких элементов, не содержащихся бы в составе правонарушения «хулиганство». Обстоятельства двух этих правонарушений должны поэтому рассматриваться по существу, как одни и те же, для целей применения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции. Как Суд подчеркивал выше, обстоятельства двух этих правонарушений служат в качестве единственной точки сравнения, и потому довод государства-ответчика о том, что эти правонарушения различались по строгости предусмотренных за их совершение наказаний, не имеет никакого отношения к исследованию Судом данного вопроса.

С. Вопрос о том, имело ли место дублирование дел [bis]

1. Заключение Палаты Европейского Суда

98. Палата Европейского Суда вновь подтвердила, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции не сводится к обеспечению права человека не быть наказанным дважды, но распространяет свое действие на право не быть привлеченным к уголовной ответственности или не быть судимым дважды. Палата установила, что довод государства-ответчика о том, что заявитель в итоге был оправдан по уголовному делу по обвинению в совершении хулиганства, не имеет значения для его утверждения, что его привлекли к уголовной ответственности и судили по этому обвинению второй раз.

99. Палата Европейского Суда подчеркнула, что уголовное дело в отношении заявителя было возбуждено, и производство по нему велось одним и тем же отделом внутренних дел, а уголовное дело рассматривалось одним и тем же судьей. Палата установила, что российские власти допустили, чтобы производство по уголовному делу велось при полном осознании, что заявитель был ранее осужден в административном порядке за одно и то же правонарушение.

100. Наконец, Палата Европейского Суда установила, что нарушение принципа *non bis in idem* не было причиной вынесения оправдательного приговора в отношении заявителя. Оправдательный приговор основывался на основании по существу дела, а именно на том факте, что государственное обвинение не доказало виновность заявителя в соответствии со стандартом доказанности вины, как это требуется по уголовным делам, в отличие от дел об административных правонарушениях.

2. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

(а) Доводы заявителя

101. Заявитель указал Европейскому Суду, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции применяется не только по делам, в которых обвиняемого осуждают в уголовном порядке дважды, но также и по делам, в которых дважды привлекают к уголовной ответственности, невзирая на то, имело ли место предыдущее осуждение. Он напомнил, что в деле «Градингер против Австрии» применялась эта норма Конвенции, даже хотя заявителя осудили за совершение одного правонарушения и оправдали в связи с обвинением в совершении другого. Аналогичным образом, заявитель был привлечен к уголовной ответственности, судим и в итоге оправдан в связи с обвинением в совершении правонарушения «хулиганство», хотя до этого он был осужден за совершение правонарушения «мелкое хулиганство», у составы которых содержали одинаковые главные элементы. По мнению заявителя, такая ситуация приравнивается к нарушению принципа *non bis in idem*.

102. Заявитель далее утверждал, что его дело отличается от дела «Шукина против Литвы» [*Ščiukina v. Lithuania*] (решение Европейского Суда от 5 декабря 2006 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 19251/02), в котором национальные суды недвусмысленно признали, что имело место нарушение принципа *non bis in idem* и сослались на возможность снятия прежней судимости по административному делу. В отличие от указанного дела в настоящем деле простая ссылка в приговоре суда от 2 декабря 2002 г. на административное дело в отношении заявителя не может быть истолкована как признание нарушения права заявителя не быть судимым дважды. В этом приговоре суда не содержалось никакого упоминания принципа *non bis in idem*, то ли в качестве нормы Конституции, то ли в качестве нормы международно-правового акта в сфере защиты прав человека или в качестве нормы Уголовно-процессуального кодекса. В контексте российского законодательства заявитель все равно не мог воспользоваться преимуществом этого принципа, поскольку гарантия против дублирования дел применяется только к «преступлениям», тогда как заявителя осудили за совершение правонарушения, классифицированного как административное. Заявитель был оправдан не ввиду повторного характера привлечения его к судебной ответственности, а ввиду отсутствия доказательств его вины.

103. Заявитель выразил свою обеспокоенность подходом Европейского Суда, принятым по делу «Зигарелла против

Италии» [*Zigarella v. Italy*] (решение Европейского Суда от 3 октября 2002 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 48154/99), согласно которому в отсутствие какого-либо доказанного ущерба, причиненного заявителем, статья 4 Протокола № 7 к Конвенции будет считаться нарушенной, только если новое дело возбуждается со знанием, что обвиняемый был уже судим по предыдущему делу. Заявитель утверждал, что невероятно, чтобы дело возбуждалось бы без знания государства, так как уголовные дела всегда возбуждаются органами государства. В любом случае, фактическое положение заявителя отличается от положения заявителя по делу «Зигарелла против Италии», поскольку российские власти вели производство по уголовному делу в отношении него в течение более четырнадцати месяцев с полным знанием об его предыдущем осуждении.

(b) Доводы государства-ответчика

104. Государство-ответчик утверждало — в первый раз в ходе производства по делу в Большой Палате — что заявитель мог обжаловать свое осуждение по административному делу в вышестоящем суде. Срок для подачи жалобы установлен в десять суток и мог быть продлен по ходатайству стороны по делу. Заявитель не обжаловал свое осуждение по административному делу, и оно стало «окончательным» по смыслу положений статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

105. В ходе производства по делу в Палате Европейского Суда, государство-ответчик утверждало, что Грибановский районный суд оправдал заявителя в связи с обвинением в совершении хулиганства по части второй статьи 213 УК РФ и тем самым исправил нарушение прав заявителя, ранее допущенное следствием. Поскольку второе дело завершилось вынесением оправдательного приговора в части обвинения заявителя в совершении хулиганства, повторного дела не было. Государство-ответчик не повторило этот довод в ходе производства по делу в Большой Палате.

(c) Доводы третьей стороны

106. Третья сторона подвергла критике решение Европейского Суда по делу «Зигарелла против Италии», которое ввело новый критерий применимости, не существовавший в первоначальном тексте статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, а именно — предположительную цель данной нормы Конвенции, смысл которой в том, что только новое возбуждаемое уголовное преследование умышленно нарушает правило *non bis in idem*. Третья сторона призвала Суд отказаться от этого дополнительного критерия, так как он может оказаться в будущем опасным.

3. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

(а) Вопрос о том, было ли решение «окончательным»

107. Европейский Суд вновь подтверждает, что цель статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции состоит в том, чтобы запретить повторение уголовного дела, которое было завершено «окончательным» решением (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Франц Фишер против Австрии», § 22, и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Градингер против Австрии», § 53). Согласно тому, что говорится в Пояснительном докладе к Протоколу № 7 к Конвенции, который, в свою очередь, делает отсылку к Европейской конвенции о международном признании судебных решений по уголовным делам, «решение является окончательным, “если,

в соответствии с традиционным выражением, оно обрело силу *res judicata*. Так происходит, когда решение является вступившим в законную силу, то есть когда нет в доступности никаких дополнительных обычных средств правовой защиты или когда стороны по делу исчерпали таковые средства или допустили, чтобы истекли сроки обращения к этим средствам, не воспользовавшись ими»⁷). Этот подход глубоко укоренился в прецедентной практике Суда (см., например, постановление Европейского Суда по делу «Никитин против России» [*Nikitin v. Russia*] (жалоба № 50178/99), § 37, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-VIII, и решение Европейского Суда от 15 марта 2005 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 70982/01 по делу «Хорчяк против Румынии» [*Horciag v. Romania*]).

108. Решения, которые могут быть обжалованы в обычном порядке, исключены из сферы действия гарантии, содержащейся в статье 4 Протокола № 7 к Конвенции, коль скоро срок для подачи такой жалобы не истек. С другой стороны, экстраординарные средства правовой защиты, такие как ходатайство о возобновлении производства по делу или ходатайство о восстановлении пропущенного срока, не должны приниматься во внимание для цели определения, было ли дело завершено окончательным решением (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Никитин против России», § 39). Хотя эти средства правовой защиты представляют собой продолжение производства по первому делу, «окончательный» характер вынесенного по нему решения не зависит от того, что к этим средствам прибегли. Важно отметить, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции не исключает возможности возобновления производства по делу, как об этом четко говорится в пункте 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

109. В настоящем деле постановление суда по административному делу от 4 января 2002 г. было напечатано на стандартном формуляре, в котором указывалось, что оно не подлежит обжалованию и что оно вступает в законную силу немедленно после вынесения (см. выше, пункт 19 настоящего постановления). Однако, даже предположив, что данное постановление суда могло быть обжаловано в течение десяти суток с момента его вынесения, как это утверждало государство-ответчик, постановление суда приобрело силу *res judicata* по истечении указанного срока. Сторонам по делу не были доступны никакие дополнительные обычные средства правовой защиты. Постановление по административному делу было поэтому к 15 января 2002 г. «окончательным» в самостоятельном смысле этого термина Конвенции, тогда как производство по уголовному делу началось 23 января 2002 г.

(b) Вопрос о том, препятствует ли оправдание заявителя применению гарантии статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции

110. Как и Палата Европейского Суда, Большая Палата вновь подтверждает, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции не сводится к обеспечению права человека не быть наказанным дважды, но распространяет свое действие на право не быть привлеченным к уголовной ответственности или не быть судимым дважды (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Франц Фишер против Австрии», § 29). Будь это не так, не было бы необходимости в статье 4 Протокола № 7 добавлять слово «наказан» к слову «судим», поскольку таковое было бы простым дублированием. Статья 4 Про-

токола № 7 применяется даже в тех случаях, когда лицо было привлечено к уголовной ответственности по делу, по результатам рассмотрения которого не был постановлен обвинительный приговор. Суд вновь подтверждает, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции содержит три отдельные гарантии и предусматривает, что никто (i) не подлежит суду, (ii) не должен быть судим или (iii) наказан за совершение одного и того же преступления (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Никитин против России», § 36).

111. Заявитель в настоящем деле был окончательно осужден за совершение мелкого хулиганства и отбыл назначенное ему за это наказание. Он был затем обвинен в совершении хулиганства и заключен под стражу. Производство по уголовному делу продолжалось более десяти месяцев, в течение которых заявителю надо было участвовать в предварительном следствии и предстать перед судом. Соответственно, тот факт, что он в итоге был оправдан по данному обвинению, не влияет на его утверждение, что он был привлечен к уголовной ответственности и судим по данному обвинению во второй раз. По этой причине Большая Палата, как и Палата Европейского Суда, находит не имеющим важности утверждение государства-ответчика о том, что не было никакого повторного дела, потому что заявителя в итоге оправдали в связи с обвинением по части второй статьи 213 УК РФ.

(c) Вопрос о том, лишило ли оправдание заявителя его статуса жертвы нарушения Конвенции

112. Наконец, Европейский Суд исследует альтернативный довод государства-ответчика о том, что оправдание заявителя по статье 213 § 2 УК РФ лишило его статуса «жертвы» предполагаемого нарушения требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

113. Европейский Суд отмечает, что он ранее установил, что способ, каким национальные власти занимались двумя делами, может иметь значение для определения статуса заявителя как «жертвы» предполагаемого нарушения требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции в соответствии с согласованными критериями, установленными в прецедентной практике Суда. Таким образом, в вышеупомянутом деле «Зигарелла против Италии» национальные власти параллельно вели производство по двум делам в отношении заявителя. После вынесения «окончательного» постановления по первому делу, производство по второму делу было прекращено на том основании, что оно проводилось в нарушение принципа *non bis in idem*. Европейский Суд согласился с тем, что власти недвусмысленно признали факт нарушения и, прекратив производство по второму делу, предложили адекватно загладить причиненный вред. Заявитель поэтому утратил свой статус «жертвы» предполагаемого нарушения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

114. Европейский Суд развил этот подход в своем решении по делу «Фолкнер против Австрии», в котором он установил, что у национальных властей должна иметься возможность исправлять ситуацию, какая имела место в том деле — производство по первому делу заявителя вел административный орган, не имевший соответствующей подведомственности. Поскольку этот орган впоследствии признал свою ошибку, прекратил дело и возместил заявителю назначенный штраф, заявитель более не мог утверждать, что его интересы пострадали в результате производства по тому делу (см. решение Европейского Суда от 30 сентября 2004 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 6072/02 по делу «Фолкнер против Австрии» [*Falkner v. Austria*]).

115. Европейский Суд поэтому согласен, что в тех случаях, когда национальные власти возбуждают два дела, но позже признают факт нарушения принципа *non bis in idem* и предлагают надлежащим образом загладить причиненный вред посредством, например, прекращения или отмены второго дела и аннулирования его результатов, Суд вправе счесть, что заявитель утратил свой статус «жертвы» нарушения Конвенции. Будь это иначе, для национальных властей было бы невозможно на национальном уровне загладить вред от предполагаемого нарушения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, и тогда концепция субсидиарности¹ утратила бы большую часть своей практической полезности.

116. Обращаясь к фактам настоящего дела, Европейский Суд не находит никаких указаний на то, что российские власти в какой-либо момент производства по делу признали нарушение принципа *non bis in idem*. Оправдание заявителя по части второй статьи 213 УК РФ не основывалось на том факте, что его уже судили за те же самые действия на основании Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. Ссылка на административное дело, рассматривавшееся 4 января 2002 г., в тексте судебного приговора от 2 декабря 2002 г. было просто упоминанием о том, что такое дело имело место. С другой стороны, из текста приговора явно усматривается, что Грибановский районный суд исследовал доказательства против заявителя и установил, что они не отвечали критерию доказанности вины по уголовному делу. Соответственно, оправдание заявителя обосновывалось материально-правовыми, а не процессуальными принципами.

117. Непризнание национальным судом факта нарушения принципа *non bis in idem* отличает настоящее дело от упомянутого выше дела «Шукина против Литвы», в котором Верховный суд Литвы прямо признал факт нарушения этого принципа посредством ссылки на Конституцию Литвы и Уголовно-процессуальный кодекс Литвы.

118. В российской правовой системе, однако, запрещение повторных дел ограничено сферой уголовного правосудия. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации предшествовавшее уголовному преследованию осуждение лица за совершение по существу аналогичного административного правонарушения не является основанием для прекращения уголовного дела по тому же обвинению (см. выше, пункт 27 настоящего постановления). Схожим образом российская Конституция защищает гражданина только от повторного осуждения за совершение того же «преступления» (см. выше, пункт 26 настоящего постановления). Отсюда вытекает, что в отличие от дела «Шукина против Литвы» российские суды не имеют в своем распоряжении правовых норм, которые позволили бы им избежать рассмотрения повторного дела в ситуации, когда обвиняемый предстал перед судом за совершение правонарушения, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях.

119. В свете вышеизложенных соображений, Европейский Суд находит, что оправдание заявителя по части второй статьи 213 УК не лишило его статуса «жертвы» предполагаемого нарушения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

D. Краткое изложение обстоятельств дела, установленных Европейским Судом, и его заключение

120. Европейский Суд установил выше, что за совершение «мелкого хулиганства» заявитель был осужден по результатам рассмотрения административного дела, которое должно быть приравнено к «уголовному процессу» в самостоя-

тельном смысле этого термина Конвенции. После того, как его осуждение в административном порядке стало «окончательным», ему было предъявлено несколько уголовных обвинений. Большинство из них касались действий, совершенных заявителем в разное время или в разных местах. Однако обвинение в совершении «хулиганства» касалось точно таких же действий, как и при предшествовавшем осуждении за совершение «мелкого хулиганства», а также охватывало по существу одни и те же факты.

121. В свете вышесказанного, Европейский Суд считает, что уголовное дело, возбужденное в отношении заявителя по статье 213, пункт «б» части второй, УК России, по существу имело отношение к такому же правонарушению, как то, за которое он был уже осужден окончательным постановлением суда по статье 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях.

122. Поэтому властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции.

III. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

123. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. По вопросу о выплате компенсации за причиненный заявителю моральный вред

124. В производстве по делу в Палате Европейского Суда заявитель оставил решение вопроса об определении конкретной суммы компенсации причиненного ему морального вреда на усмотрение Европейского Суда. Палата постановила выплатить ему 1500 евро.

125. В производстве по делу в Большой Палате заявителя не просили представить новое требование о выплате ему компенсации морального вреда.

126. Европейский Суд не видит основания отступать от оценки Палаты Суда, сделанной на основе принципа справедливости. Соответственно, Суд присуждает выплатить заявителю сумму в размере 1500 евро в качестве компенсации причиненного ему морального вреда, к чему надлежит прибавить сумму любых налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму.

B. По вопросу о возмещении судебных расходов и издержек

127. В производстве по делу в Палате Европейского Суда заявитель требовал выплатить ему сумму размером 12 700 рублей в качестве возмещения оплаты услуг двух адвокатов в производстве по делам в российских судах, сумму размером 500 евро за десять часов работы его представителя в Европейском Суде, г-на Коротеева, сумму размером 300 фунтов стерлингов за три часа работы г-на Лича и 138 фунтов стерлингов 10 пенсов в качестве возмещения оплаты письменного перевода.

¹ Субсидиарность (от лат. *subsidiarius* — вспомогательный) — организационный и правовой принцип, согласно которому задачи должны решаться на самом низком, малом или удаленном от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно. В контексте функционирования европейского правосудия субсидиарность означает, что Европейский Суд по правам человека играет «вспомогательную» роль в том смысле, что в деле защиты прав человека основную роль должны играть соответствующие органы власти государств — участников Конвенции (примечание редакции).

Палата Европейского Суда присудила выплатить заявителю одну тысячу евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, к чему надлежало прибавить сумму любых налогов, которые могли быть начислены на указанную сумму.

128. Заявитель требовал выплатить ему дополнительно суммы размером 1724 евро 70 центов и 4946 фунтов стерлингов в качестве возмещения судебных расходов и издержек, связанных с производством по статье 43 Конвенции. Эти суммы распределяются следующим образом: 1380 евро за 23 часа работы г-на Коротеева, 4017 фунтов стерлингов за 40 часов и 10 минут работы г-на Лича, 344 евро 70 центов и 159 фунтов стерлингов в возмещение транспортных расходов и расходов на проживание в г. Страсбурге и оставшиеся 770 фунтов стерлингов в возмещение административных расходов и расходов на перевод.

129. Государство-ответчик указало, что данные требования «противоречат принципу необходимости и разумности судебных расходов и издержек». Государство-ответчик также утверждало, что административные расходы и расходы на перевод не были в достаточной степени детализированы.

130. Согласно установившейся прецедентной практике Европейского Суда присуждение возмещения судебных расходов и издержек заявителя возможно только в той мере, в какой эти расходы были в действительности понесены, были необходимы и разумны в количественном смысле (см. постановление Европейского Суда от 25 марта 1998 г. по делу «Бельзюк против Польши» [*Belziuk v. Poland*], § 49, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1998-II).

131. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что интересы заявителя были представлены г-ном Коротеевым и г-ном Личем с самого начала производства по делу в Суде. Суд согласен с тем, что ставки и часы работы по делу являются разумными и что расходы были действительно понесены представителями заявителя. На основании материалов, представленных ему, Суд присуждает выплатить заявителю 9000 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, к чему надлежит прибавить сумму любых налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму; при этом присужденная сумма подлежит перечислению на банковский счет представителей заявителя в Соединенном Королевстве, как будет указано заявителем.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

132. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере

предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *отклонил* предварительное возражение государства-ответчика;

2. *постановил*, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции;

3. *постановил*

(а) что государству-ответчику надлежит выплатить заявителю в течение трех месяцев следующие суммы, подлежащие переводу в российские рубли по обменному курсу валют на день произведения выплаты:

(i) 1500 (одну тысячу пятьсот) евро в качестве компенсации морального вреда, к чему надлежит прибавить любую сумму налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму;

(ii) 9000 (девять тысяч) евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, подлежащих перечислению на банковский счет представителей заявителя в Соединенном Королевстве, к чему надлежит прибавить любую сумму налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму;

(b) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанной суммы на нее начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

Совершено на английском языке и французском языке и вынесено в открытом заседании во Дворце прав человека, г. Страсбург, 10 февраля 2009 г.

Майкл О'Бойл,
заместитель
Секретаря-Канцлера
Европейского Суда

Жан-Поль Коста,
Председатель
Большой Палаты
Европейского Суда

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»